

Узкая, тянущаяся бесконечно лента дороги впервые казалась такой широкой и залитой ярким светом.

Золотые лучи согревали влажный от моросящего дождя асфальт, устилая его подобием роскошного теплого ковра.

Сидя в машине, Пэй Чан поправил перед зеркалом галстук, разгладил складки на дорогом пиджаке и привычным жестом взъерошил непослушные волосы. Но пробивающаяся седина — серебро, щедро разбавленное чернотой, — слишком бросалась в глаза. Ее было не спрятать.

Он поджал губы, опустил руки и посмотрел на лежащий на коленях букет белоснежных гардений, бережно погладив нежные лепестки.

Помедлив, Пэй Чан расправил плечи, решительно открыл дверцу и вышел наружу, ступая на залитую солнцем дорогу с букетом в руках. Издалека его высокая, статная фигура казалась ярким штрихом на живописном полотне.

Остановившись перед входом, он привычно пригладил выбившиеся пряди. Солнечный свет послушно следовал за ним, теплыми пятнами ложась на тяжелые створки деревянных дверей.

Двери со скрипом распахнулись. Но не успел он сделать и шага, как поперек талии сомкнулись бледные, пугающе длинные пальцы.

Пэй Чан невольно приподнялся на цыпочки, полностью укрытый тенью огромного, неестественно высокого силуэта.

Белоснежные лепестки закружились в воздухе, осыпаясь на землю подобно хлопьям первого снега.

— Цинь Ихэ...

Он едва слышно прошептал это имя.

Хватка на его талии мгновенно ужесточилась — чудовищная сила едва не переломала ему ребра. Но Пэй Чан почувствовал лишь невыносимую, до дрожи сладкую нежность, пробившуюся сквозь боль.

Он уткнулся лицом в широкую грудь, сильнее прижимая к себе букет. Тонкий аромат прогнал застоявшуюся во рту горечь.

— Цинь Ихэ...

Он повторял это имя снова и снова. На губах играла улыбка, а из глаз неосознанно катились слезы. Сердце разрывалось от невыносимого счастья, похожего на сладкий мед, смешанный с толченым стеклом.

Дверь с грохотом захлопнулась, отрезая их от внешнего мира. Солнечный свет остался снаружи, и лишь редкие золотистые блики ложились на темные доски пола.

Две несопоставимые тени слились в единое целое.

Белоснежные гардении устилали пол — сорванные лепестки увядали в этой удушливой полутьме, источая дурманящий, почти порочный осенний аромат.

В оглушительной тишине Пэй Чан медленно поднял руку, отводя в сторону спутанные пряди длинных, густых волос. Пальцы дрожали, дыхание перехватило. Внутренности словно пронзили тысячи мелких игл, а в горле поднялась горячая, соленая горечь.

Широкая, ледяная ладонь перехватила его запястье и бережно прижала ладонь Пэй Чана к впалой щеке.

Пэй Чан не отрываясь смотрел на него. Взгляд его был прикован к этому лицу, несмотря на разрывавшую грудь боль. Он упивался этой мукой, запертой внутри, терзающей его без всякой возможности вырваться наружу. Эта боль была упоительной, сокрушительной — ради нее стоило умереть.

Дрожащими пальцами он очертил тонкие, аккуратные брови, коснулся закрытых глаз, хранивших когда-то столько нежности, провел по переносице, по мягким губам...

Все то же самое. Совсем как прежде. Тот же открытый, интеллигентный юноша со светлым взором. Чистый, робкий и бесконечно прекрасный.

В глазах Пэй Чана застыло благоговение. Время будто повернулось вспять, возвращая его в тот далекий, залитый солнцем и укрытый сенью зеленых крон летний день.

Ледяные пальцы, накрывавшие его ладонь, судорожно сжались.

Огромный, пугающе высокий монстр прижался щекой к теплой ладони Пэй Чана, и в его глазах расплескалась бездонная, сокрушительная тоска.

Он больше всего на свете не хотел, чтобы Пэй Чан забыл его. И вместе с тем до смерти боялся его памяти.

Этот липкий, первобытный страх забивался в дыхательные пути, заполнял глаза, проникал в легкие подобно сырой, могильной земле. Монстр лишился голоса, зрения и слуха — осталась лишь удушающая агония, заставлявшая его судорожно хватать ртом воздух в тщетной надежде на спасение.

Чистый, восторженный трепет в глазах Пэй Чана ранил сильнее любого оружия, пронзая измученное сердце тысячами острых стрел. Он погибал от этой любви.

Но в это мгновение прямо перед его лицом возник букет белоснежных гардений. Их ослепительная белизна заставила его сощуриться.

Завороженно глядя на сияющие слезы в глазах Пэй Чана, монстр медленно, неуклюже протянул руки и бережно принял предложенные цветы.

Тук. Тук. Тук.

Оглушительные удары сердца отозвались в груди, словно удары ритуального барабана. Пэй Чан снова вернул его к жизни.

Прижимая к себе хрупкий букет, он опустил голову, вдыхая тонкий аромат, и на его лице медленно расцвела улыбка — робкая, чистая, совсем как в прежние времена.

Пэй Чан приподнялся на цыпочки и коснулся его губ поцелуем.

Это был самый спокойный сон в жизни Пэй Чана.

Вся многолетняя усталость, подтачивавшая его тело изнутри, словно ушла вместе с проступившей сединой и выкашлянной кровью. Он спал, свернувшись калачиком, словно ребенок, избавившись от привычной, мертвенной ооченелости.

Сновидение унесло его в прошлое, но на этот раз оно не кололось острыми осколками воспоминаний.

Он стоял в старой, залитой мягким светом библиотеке. Легкий ветерок колыхал тюль на открытом окне. Стоило ему протянуть руку к нужной книге, как чьи-то пальцы опередили его. Сквозь просвет в книжном стеллаже на него смотрели теплые, сияющие глаза.

— Вы тоже интересуетесь географией? — донесся чистый, журчащий, точно лесной ручей, юношеский голос.

Ворвавшийся в окно сквозняк коснулся его лица и всколыхнул что-то в самой глубине души, оставляя легкую рябь.

— Да, — ответил он.

В ответ незнакомец тепло сощурился, и его глаза превратились в аккуратные полумесяцы.

— И я тоже.

Пэй Чан невольно улыбнулся.

Юноша смутился. По его лицу разлился нежный румянец, выдавая невольное, робкое волнение.

— Меня зовут Цинь Ихэ.

— Пэй Чан.

Их взгляды встретились. Невидимая преграда рухнула, уступая место искреннему, трепетному чувству.

Это был удивительно прекрасный сон.

В реальности же прохладная ладонь осторожно погладила его по лбу, разглаживая складку между бровей, и бережно перебрала поседевшие пряди.

А затем на его грудь опустился сухой зеленый лист, принесенный случайным порывом ветра.

Пэй Чан словно пытался наверстать упущенные за долгие годы часы сна. Он проспал целые сутки и открыл глаза лишь в семь утра следующего дня.

Он лежал в чужих объятиях в полумраке уединенной мансарды. Солнечный луч, пробившийся сквозь маленькое слуховое окно, мягко рассеивал утренние сумерки.

Он приоткрыл пересохшие губы и негромко, хрипло произнес:

— Смотри, радуга.

В ответ объятия чуть разомкнулись. Спутавшиеся пряди скользнули по щеке Пэй Чана, когда скрытое за ними лицо повернулось к окну.

Вдали величественные хребты тонули в золотистом сиянии восходящего солнца. Оранжевые облака, сиреневая дымка и изумрудные склоны сливались в потрясающую палитру, которая затмевала любую радуго.

Это было неопишимо красиво — ярче и живее любого живописного шедевра.

Пэй Чан запустил пальцы в жесткие, сухие волосы чудовища, медленно наматывая их на ладонь. Внутри него разлилась такая легкость, что казалось, разжми он руку — и тут же взлетит под самый потолок, а затем растворится в утреннем небе.

— Цинь Ихэ.

Он человек. У него есть имя. Его зовут Цинь Ихэ.

Услышав свое имя, тот опустил голову. Под завесой темных прядей бледнели очертания худого лица и острый подбородок.

Пэй Чан натянул зажатые в кулаке волосы, заставляя чудовище наклониться ниже, и, приподнявшись, накрыл своими губами его ледяной рот.

Существо на миг замерло, а затем собственническим, яростным жестом обхватило ладонями его лицо, отвечая на поцелуй с неистовой, давно сдерживаемой жадой. Длинный, чуждый человеческой анатомии язык беспрепятственно проник в рот, проталкиваясь глубоко, перекрывая дыхание. В этом безумном напоре сквозило отчаянное желание поглотить его без остатка. Поцелуй лишал воздуха, кружил голову, словно крича об одном: растерзать, сожрать, растворить в себе!

Пэй Чан запрокинул голову. Тёмная родинка на его шее подергивалась при каждом судорожном сглатывании. Влажные, тягучие звуки поцелуев смешивались со сбивчивыми стонами, заставляя тело содрогаться в лихорадочном ознобе.

Острые клыки оцарапали нежную кожу губ. Капли крови смешались со слюной, потянувшись тонкой нитью, стоило им на мгновение отстраниться.

Щеки Пэй Чана горели лихорадочным румянцем. Он задыхался, теряя связь с реальностью. Прежде чем сознание окончательно померкло, влажный язык медленно скользнул назад, слизывая выступившую кровь с разбитых губ, и позволил измученным легким сделать спасительный вдох.

Пэй Чан судорожно хватал воздух ртом, глядя на возлюбленного затуманенными влажными

глазами. Всего один взгляд — и они вновь столкнулись, как противоположные полюса магнита, устремившись навстречу друг другу. Ключ повернулся в замке, и они вновь утонули в неистовом, удушающем поцелуе.

Пэй Чан чувствовал, как его сердце падает в бездну, затапливаемое теплым, усыпляющим блаженством. Душа содрогалась в сладкой агонии.

Пусть он сожрет меня. Это было бы так правильно...

Войдя в больничную палату, Пэй Чан скользнул взглядом по полулежащему на кровати Старейшине Пэй и запер дверь изнутри.

Затем достал сигарету, поднял глаза на установленную под потолком камеру видеонаблюдения и, не глядя, швырнул в нее стоявшую на тумбочке стеклянную вазу.

Глухой удар, звон бьющегося стекла — осколки вместе с завядшими цветами веером разлетелись по полу. Объектив камеры погас.

Пэй Чан опустил в кресло, неторопливо закинул ногу на ногу и щелкнул зажигалкой, прикуривая.

— Кха... Кха-кха...

Старейшина Пэй прижал к губам шелковый платок, содрогаясь в приступе кровавого кашля.

С абсолютно невозмутимым видом старик спрятал испачканный платок в карман и повернул голову. Его оценивающий взгляд скользнул по внуку. На секунду старик задержался на побелевших волосах Пэй Чана, затем перевел взор на его искусанную, припухшую нижнюю губу, пламенеющую ярче спелой вишни.

— Вижу, ты так и не поумнел, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес старик. В его глазах читалось лишь холодное разочарование.

Человек, которого так легко сломить чувствами, в его глазах всегда оставался неудачником.

Пэй Чан выпустил струйку сизого дыма.

— Вы ведь просчитываете каждый шаг, — глухо отозвался он. — Значит, прекрасно понимаете, зачем я пришел.

— Если ты будешь молчать, как я догадаюсь, чего именно ты хочешь? — старик слабо усмехнулся и вновь зашелся хриплым кашлем. Кровь сочилась сквозь его бледные пальцы.

Пэй Чан безучастно смотрел на тающие в воздухе струйки дыма. В его памяти всплыли слова, сказанные Чжэн Юйцинем много лет назад:

«Цинь Ихэ — просто сорванная ветром травинка, неприкаянная тень, отчаянно ищущая тепла. Ради любви этот глупец пойдет на любое безумие, отдаст всё без остатка».

Тогда молодое, еще не утратившее резких черт лицо Чжэн Юйцина искажала ядовитая смесь насмешки и глухой обиды. Его близкий друг, деливший с ним все тяготы сиротского детства, полюбил того, кого любить ему было категорически нельзя, — Пэй Чана. И эта слепая привязанность заставила его свернуть с верного пути, перечеркнув многообещающее будущее в самый разгар юности.

Цинь Ихэ бесследно исчез на исходе знойного лета, под затихающий стрекот цикад, растворившись в воздухе подобно утренней дымке. Никто не знал, куда он подался.

Но все они искренне верили... или, скорее, отчаянно надеялись, что он просто сбежал, предав хрупкие чувства ради сытой жизни за границей на полученные отступные. Пусть клеймо корыстолюбца очерняло образ Цинь Ихэ и ранило самого Пэй Чана, эта ложь дарила призрачное утешение — ведь принять страшную правду было выше его сил.

Но заноза засела глубоко в сердце. С годами она проникала все дальше, лишая возможности сделать вдох. Стоило коснуться ее мыслями — и старая рана вновь начинала сочиться кровью.

Пэй Чан прижал к колену дрожащие пальцы и, сохраняя на лице маску ледяного безразличия, спросил:

— Его заманили туда обманом? Или вы заставили его силой?

<http://bllate.org/book/20309/2132661>